

КЕРРИГАН
БЕРН

*Ледиог
с татуировкой
дракона*

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

Пролог

Тюрьма Ньюгейт, Лондон

Осень 1858 года

— Сейчас я сделаю тебе больно, — предупредил Уолтерз на кокни, отдающем трубочным табаком и угольным смогом Ист-Энда. Не красуйся на его широкой, как причальная тумба, шее полудетское лицо, он казался бы гораздо старше.

— Боль мне скорее по нраву.

Произнеся эти слова, мальчишка сам удивился их смыслу. Если в тюрьме Ньюгейт не подружишься с болью, станешь постоянным объектом издевательств. Не пытаясь увильнуть от неотвратимого, мальчик с сотоварищами научились встречать боль, изучать ее действие, а потом с ужасающей эффективностью применять.

Мальчик уже почти мужчина. А точнее, в восемнадцать верховодил мужчинами. Уолтерз, по видимому, самый жестокий из всех его знакомых, беспрекословно исполнял его приказы. Все исполняли. Кто-то из любви и уважения к нему. Кто-то был ему обязан. Но большинство его боялось.

Ну, если честно, его боялись *все*.

Потому что он был агентом боли.

— Просто продолжай, ладно? — приказал он.

Мясистые пальцы Уолтерза сжимали отточенную иглу, которую он глубоко обмакнул в чернила.

«Такой большой и неуклюжий мужчина, — подумалось мальчику, — и такие тонкие движения». Очевидно, благодаря точности движений Уолтерз и стал лучшим в империи фальшивомонетчиком.

То есть был таковым до заключения.

В тюрьме Уолтерз освоил новое ремесло. За этими каменными стенами надо постараться найти себе занятие. Иначе отупеешь. Или сойдешь с ума. Поддашься множеству терзаний, таившихся в здешних тенях.

— И где, скажи еще раз, ты его раздобыл? — Уолтерз указал на темный кожаный лоскут с прихотливым сплетением чернильных линий; поверх него лежала древняя обсидиановая печать с выгравированной сигиллой*.

— У первого убитого мною негодяя, — соврал мальчишка. — Пирата.

Ты хорош настолько, настолько хороша твоя репутация. И в тюрьме, и на воле. Верность правде никогда не мешала мальчику рассказать хорошую историю, в особенности если та заставляла людей бояться его еще сильнее.

Правда состояла в том, что карту и печать он в день своего ареста стянул у столовавшегося у его матери славного, но обедневшего датского историка.

А еще в тот день из Темзы выловили тело Кэрролайн Морли.

Ошеломленный приливом эмоций, — которые, казалось, давно умерли, как та прекрасная рыжеволосая девушка, — он воспринял первый укол иглы, пропкнувший тонкую кожу предплечья, как облегчение.

---

* Сигилла (от лат. *sigillum*) — символ (или комбинация символов или геометрических фигур), обладающий магической силой. — *Примеч. пер.*

Боль снести легче, чем смерть Кэролайн.

Пока Уолтерз работал, мальчик думал. Строил планы. Планы действий в чрезвычайных ситуациях. Безотказные планы. Вел бесконечные расчеты.

А если ему все удастся? Тогда к двадцати годам Братья Черное сердце смогут стать правителями Империи.

Сдерживая распирающее грудь возбуждение, он изо всех сил старался унять дрожь в животе. Последний месяц в этом земном аду был попросту мучительным. Как и с татуировкой, самым тягостным было неприятное ожидание прокола кожи.

Ему просто хотелось с этим покончить. Хотелось снова вдохнуть ночной воздух. Насладиться едой без личинок. Пить воду без привкуса мочи и запаха тухлых яиц. Он грезил о подстилке из свежей соломы, но в холодное время не отказался бы и от одеяла.

Всего одну мягкую вещь. Одно доброе слово. Один красивый вид.

За время, проведенное в Ньюгейте, мальчик успел позабыть, что в жизни есть подобные наслаждения.

Только во снах. Ему неизменно снились яркие сны.

— Напомни-ка мне еще разок, что сказал пират, — подбадривая, проговорил Уолтерз, рваной тряпкой стирая капли крови с руки мальчика. — Разговор поможет тебе сохранить спокойствие и скоротать время.

Мальчишка кивнул, вспоминая, как однажды за ужином историк Йохан Сондергаард увлек его и мать своим рассказом. Голубые как лед глаза обычно спокойного мужчины вспыхивали унаследованным от предков огнем завоеваний.

— Легенда гласит, что примерно через пятьдесят лет после распятия Христа Клав-

дий, первый удачливый римлянин, вторгшийся в Британию, писал в дневнике об удивительной здешней находке, которая сделает его богаче любого императора. Из-за войны с жутким местным племенем триновантов он не смог с собой ничего привезти. Отчаянно пытаясь сохранить находку, он спрятал ее, запечатал и оставил охранять сигиллу скифского дракона, знамя римской кавалерии. А тебе известно, что охраняют драконы?

— Всем известно, что драконы охраняют сокровища. — Уолтерз снова опустил иглу в чернила, вытирая следы крови на предплечье мальчика. Прикосновение к свежим ранам саднило кожу. Пытаясь не стиснуть зубы, мальчик обнажил их в подобии улыбки.

— Именно, — не разжимая челюстей, подтвердил он. — Клавдия отравили, в Британию он не вернулся, и единственной оставленной им подсказкой служит эта сигилла.

Оба посмотрели на сигиллу. Фигура змееподобного дракона с четырьмя когтями и торчащим между грозными зубами извивающимся языком, под которым было выгравировано два слова: *NIGRAE AQUAE*.

Мальчик надеялся, что, когда кровный брат Дуган научит его читать, он наконец сможет понять, что означают эти слова, но не повезло. Разумеется, они были не английскими.

— Значит, сигилла имеет отношение к карте? — спросил у него Уолтерз, точно скопировав сплетающиеся линии и приступив к накалыванию сигиллы.

— Девятьсот лет спустя в Британию вторгся датский король Свен Вилобородый. Перед ним был мост, и три англосаксонских воина с несколькими крестьянами героически удерживали его, отбиваясь от двухтысячного войска грабителей.

Говорят, они защищали зарытое тайное сокровище, чары которого придавали им необоримую силу и выносливость. Разбив их, датчане взяли святилище на маленьком острове, где обнаружили пещеру, охраняемую драконом. *Этим драконом.* Сокровищ в пещере было так много, что их невозможно было вывезти в Данию флотом, на котором прибыло *две тысячи человек*, можешь себе представить?

— Конечно, не могу.

Круглая, как луковица, лысая голова Уолтерза раскачивалась на чем-то слишком коротком и толстом, чтобы по праву считаться шеей, когда он набивал слова под локтем мальчика.

Увлечшийся и немного опьяненный болью, мальчик почти не чувствовал уколов.

— Вдохновленный своей находкой, король Свен напал на Молдон и, разбитый Этельредом Неразумным, был вынужден бежать из Британии. Король Свен так и не смог снова найти сокровище, так что оно и сегодня остается на прежнем месте. Там самом месте, которое на этой карте обозначено драконом.

— Откуда ты знаешь? — спросил Уолтерз.

— Потому что Свен завещал эту карту своей дочери, но та отца ненавидела, и не верила ему, и на поиски так и не отправилась. Поэтому карта все эти годы лежала в королевской библиотеке Дании.

— Не знаю... это не похоже на дороги, а я здесь повсюду бывал. — Уолтерз скептически указал на странные развилки.

— Думаю, это не дороги, — протянул, размышляя вслух, мальчик. — Викинги были мореплавателями, моряками, поэтому логично предположить, что на своих картах они изображали не дороги, а реки.

Уолтерз замер, внимательно изучая свою работу новыми глазами.

— Черт... меня подери.

— Вот именно.

— И ты хочешь найти это сокровище, когда тебя через месяц выпустят?

— Я буду искать это сокровище, пока не найду, — поклялся мальчик.

Когда Уолтерз закончил, нервы мальчика были всклокочены, как истертая веревка виселицы, но лучше татуировки ему видеть не доводилось.

Пряча инструменты в расщелину каменного пола, Уолтерз спросил:

— Ты расскажешь Дугану?

— Конечно, я ему расскажу, как только мы сумеем снова поменяться камерами.

Мальчик подошел к соломенному тюфяку Дугана у дальней стены и вынул из нее камень. Запустив внутрь руку, достал немного контрабанды, а потом вынул еще один, следующий камень. Там был тайник, который никто не стал бы искать, обнаружив первую нишу.

— Я оставлю карту и печать для *него*. И для тебя, и для Мердока, и для Таллоу. Но Дугану сидеть еще три года, а я, пока он в тюрьме, буду искать. Может, к тому времени, как вы все выйдете, я найду сокровище. Разумеется, я дам вам знать. Я за всеми вами вернусь.

— Разумеется, вернешься.

Мальчишка резко поднял голову, готовый высказать недовольство за промелькнувшее в голосе Уолтерза неуважение. Однако резкие печальные складки

на грязном лице фальшивомонетчика лиши-

8 ли юнца дара речи.

Уолтерз не вчера родился, чтобы верить в чьи бы то ни было обещания. На мальчика он глядел с жалостью, но без презрения. Добродушно, но недоверчиво.

— Я вернусь.

Уолтерз отвернулся.

— Замотай, прежде чем мы приступим к утренней смене на укладке рельсов. Иначе загноится.

Мальчик решил, что докажет Уолтерзу. Он снесет эти стены, но свою семью не бросит.

Проглотив обиду, мальчик аккуратно вложил камень на карту, потом засунул контрабанду и вставил внешний камень.

Потом он скажет Дугану, где это найти.

Уолтерз задул свечу, при свете которой работал, и тоже убрал ее туда, где охранники и не подумали бы искать.

Вытянув длинное тело на соломенном тюфяке, мальчик положил ладони на пустой желудок и задумчиво уставился в темноту. Он сосредоточился на подсчете пульсаций боли на коже от своей новой татуировки. Резкий запах свечного дыма был милым сердцу бальзамом, ненадолго перебивавшим вездесущую промозглую сырость, вьющуюся в эти древние стены.

Когда он отсюда выйдет, решил мальчик, он найдет Резака. На это рискованное дело он возьмет с собой старшего друга. Потому что Дуган стал ему братом в Ньюгейте, а Резак всегда был его братом на улицах.

Мальчик отбывал наказание именно за преступление Резака и вину взял на себя с радостью. Он его должник после того, что случилось с сестрой-близнецом Резака.

Кэролайн... милая Кэролайн. Ушедшая навсегда.

Он не знал, почему стук сапог оборвал его полусонные размышления. Ночные стражи совершали обход каждый час. Может быть, он услышал шаги большего, чем обычно, числа людей. Или сквозь тихую влажную ночь зловещим призраком летело предчувствие насилия.

Чувство опасности здесь обострилось у всех. В особенности у таких молодых, как он. В отличие от дикой природы, хищников тут куда больше, чем добычи, и они рвут друг друга, чтобы отхватить себе лишний кусок мяса.

И каждый приходил за едой в свое время.

Зловещий скрип двери камеры подбросил мальчика на ноги, с зажатым в руке ножом, вырезанным из найденного в тоннеле обсидиана.

В лишенной окон камере фонари его ослепили. Он полосовал ворвавшихся в его камеру людей с силой и скоростью, приобретенной в дни ломовой работы по укладке рельсов пригородной железной дороги. Что-то он порезал. Кого-то. По руке потоком заструилась теплая кровь.

Черт. Теперь ножом орудовать будет трудно.

Глаза попривыкли, и он увидел, что затылок Уолтерза во время падения был размозжен о стену, на которой расплывалось кровавое пятно.

Пятеро охранников зажали мальчика в угол, где не уместилась бы и пара взрослых.

— Дуган Маккензи? — почти в упор спросил сержант — он был так близко, что мальчик мог сосчитать пятна от табака на его зубах.

— Нет! Я не Дуган Маккензи. Я Дор...

10 — Твой отец передает тебе привет.

Первый удар мальчик отразил рукой со свежей татуировкой, и обезумел от боли. Слишком поздно заметил он занесенную над виском дубинку. А также сломавший лодыжку и поваливший его на пол ботинок.

Время он теперь отсчитывал ударами. Треском костей и брызгами крови.

Напоследок мальчик успел подумать, что Уолтерз был прав, не веря в него.

Сокровищ ему не найти никогда. И за друзьями тоже никогда не вернуться.

Потому что из мертвых не возвращаются.

Глава первая

Не выгляни Лорелея Везерсток из окна кареты поглядеть на внезапно разразившийся ливень, она не заметила бы обнаженное тело под старым ясенем.

— Отец, присмотри! — Она стиснула худое запястье сэра Роберта, но открывшаяся ее взору картина настолько захватила Лорелею, что она не смогла больше выговорить ни слова.

В четырнадцать лет ей еще никогда не доводилось видеть обнаженного мужчину, да к тому же еще и мертвого.

Он лежал лицом вниз, сильные руки были неподвижно вытянуты над головой, словно он вознамерился плыть по скудной придорожной траве. Жуткие черные синяки покрывали окровавленную плоть. Длинный и состоявший из одних бугров и связок, он настолько не походил на нее, насколько люди вообще могут отличаться друг от друга.

У нее сжалось сердце, и пока карета медленно проезжала мимо, Лорелея изо всех сил пыталась вновь обрести дар речи. Ей стало не по себе от промелькнувшей в голове дурацкой мысли, что бедняга наверняка совсем замерз.

Мертвецы сами холодны как лед. Об этом она узнала, в последний раз поцеловав в лоб мать, прежде чем над той навсегда опустили крышку гроба.

12 — Что, Утка?

Хотя ее отец носил баронский титул, в Лондоне скромные землевладельцы Везерстоки бывали не настолько часто, чтобы избавиться от эссекского акцента.

Когда-то с акцентом говорила и Лорелея, но за время обучения в мейфэрской школе быстро от него избавилась, сменив на безупречный лондонский выговор. Тем не менее на этот раз вздрогнуть ее заставил не акцент сэра Роберта, а его слова.

Самые жестокие насмешки одноклассниц в школе-интернате Брейтуэйт не шли ни в какое сравнение с издевательствами, которые ей приходилось терпеть в семье.

Утка.

— Мужчина, — заикаясь, пробормотала она. — Тело.

О нет, он, кажется, пошевелился — или это обман зрения? Прищурившись, она прижалась лицом к стеклу, чтобы четче рассмотреть сквозь ливень сбитые костяшки пальцев, сжимавших траву, на руках, изо всех сил тянущих тяжелое тело вперед.

— Стойте, — прохрипела она, охваченная дрожью. — Остановите карету!

— Приспичило, что ли, подвязки трут? — с издевкой произнес Мортимер, ее старший брат, и резко отодвинул шторку окна. — Батюшки! На дороге окровавленное тело.

Три мощных удара по крыше кареты заставили кучера остановиться.

— Он живой, я уверена! — воскликнула Лорелея, нащупывая ручку двери. — Клянусь, он пошевелился. Мы должны ему помочь.

— Я напрасно думал, что дорогая школа избавит тебя хотя бы от малой доли идиотизма,

Утка.

Мортимер и в более благоприятные дни редко не хмурил свои густые брови, выражающие едва делимой линией надменное презрение, предназначенное исключительно ей.

— Ты что, совсем ополоумела, собралась копать в этой грязи?

— Мы можем поехать через Брентвуд, — дипломатично предложил сэр Роберт. — И оттуда направить за ним карету скорой помощи.

— Тогда, кроме гробовщика, ему уже никто не понадобится, — умоляла Лорелея. — Мы ведь можем его спасти?

— Никогда в жизни не видел столько крови.

Глаза ее брата потемнели от нездорового любопытства, но никак не от жалости.

— Пойду посмотрю, что там.

— Я с тобой.

Безжалостной рукой он с силой оттолкнул Лорелею с прохода так, что она спиной отлетела на свое обтянутое уже выцветшим бархатом кресло.

— Ты останешься с отцом. Я возьму кучера.

Как обычно, сэр Роберт Везерсток ничего не сказал и не сделал против своего единственного сына, когда Мортимер выпрыгнул из кареты и со стуком захлопнул за собой дверь.

Лорелея несколько не винила отца в пассивности. Мортимер уже превосходил его и по размеру, и по жестокости.

Ей пришлось прилечь на пульсирующую от боли ногу, чтобы видеть, как мужчины пробираются сквозь серые вечерние сумерки. Еще было достаточно светло, чтобы рассмотреть блеклые цвета уходящего дня.

Несчастливого можно было принять за огромное кроваво-грязное пятно на ярко-зеленой

поросли весенней земли. При приближении Мортимера и кучера он съежился словно улитка, посыпанная солью. Только в отличие от улитки у него не было раковины для защиты истерзанного тела.

Лорелея сглотнула в тщетной попытке унять бьющееся сердце. Как только мужчину подняли, его руки тяжким ярмом повисли на шеях носильщиков. Хотя Мортимер был самым высоким из знакомых ей мужчин, ноги незнакомца волочились по грязи. Его голова свисала ниже плеч, и она не видела его лица, чтобы понять, в сознании он или нет.

Зато от других частей его тела она не могла оторвать взгляд.

Она изо всех сил старалась не смотреть ему между ног, и в основном ей это удавалось. Однако в тот момент это была не столько скромность, сколько сочувствие к бедняге, достойного лучшего обращения.

Иными словами, она лишь два раза глянула мельком и отвела глаза.

Кровоподтеки уродливыми тенями ползли от лопаток до предплечий его раскинутых рук. Гребни ребер на левом боку были фиолетовыми и на другом — красными. Синяки от ударов тупыми предметами покрывали мышцы живота, словно его много раз били или пинали. Когда его подтянули поближе, Лорелею особенно испугала кровь, как самый дурной знак.

Его тело выглядело так, словно его разжевал беззубый великан. На его плечах, груди, торсе, бедрах вплоть до голеней чудовищным образом открывались целые куски мяса.

Может быть, ожоги?

— Боже милостивый, он еще жив? — Отцовский возглас благоговейного страха на-